

© 2009 г. А.С. САМИГУЛЛИНА

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» СЛОВА
(на примере метафорических номинаций)

Статья посвящена рассмотрению понятия «внутренняя форма» в контексте современных семантико-когнитивных теорий языка. Концептуальную основу статьи составляют теоретические положения Т.М. Николаевой о «скрытой памяти» языка и постулаты Московской семантической школы, изложенные в трудах Ю.Д. Апресяна. В статье описываются некоторые механизмы образования внутренней формы языковых номинаций в целом и метафорических номинаций в частности, а также указывается на трудности изучения внутренней формы в онтологии.

0. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В силу того, что целью настоящей статьи является многоаспектное рассмотрение понятия «внутренняя форма», считаем необходимым предварить обсуждение данной проблемы следующими размышлениями.

Во-первых, мы берем за основу мысль о том, что любое лингвистическое описание должно, с одной стороны, выстраиваться в соответствии с принципом интегральности, а с другой, осуществляться с установкой на реконструкцию языковой картины мира, что методологически восходит к постулатам Московской семантической школы (см., например, работы [Апресян 1995а; 2005; Апресян и др. 2004]). Собственно реконструкция языковой картины мира невозможна без обращения к понятию «внутренняя форма», поскольку, по словам ведущих теоретиков указанного научного направления, принцип реконструкции в тенденции реализуется при учете следующих постулатов (подробнее в [Апресян 2005: 7]): 1) материалом для реконструкции должны служить исключительно факты языка – лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодии, синтаксические конструкции, правила лексико-семантической сочетаемости и т.п.; 2) картина мира, нашедшая свое отражение в языке, существенно отличается от научной картины мира, поскольку имеет характер «наивной онтологии»; 3) языковая картина мира лингво- и этноспецифична, то есть ее основу конституирует особый способ мировидения, присущий тому или иному языковому сознанию и представляющий собой набор ключевых идей, или «семантических лейтмотивов». Методика интегрального описания фактов языка также обладает несомненной значимостью для современной лингвистической мысли, которая находится в состоянии перехода от «эпохи эпистемологии без онтологии» к «онтологической гносеологии», когда исследователь, выходя за традиционные логико-гносеологические рамки, возвращается в мир бытия. Таким образом, обозначенный подход к изучению понятия «внутренняя форма» обеспечивает не только системность языковедческого анализа, но и позволяет эксплицировать девиации культурологического свойства, так как, по свидетельству М.М. Маковского [Маковский 2006: 8], «язык несравненно проще, и несравненно сложнее любой идеально созданной системы», а любые системные образования, продолжая мысль исследователя, неизменно порождают такие явления, которые находятся в явном противоречии с теми видами системности, в недрах которых они возникли (ср. с известными антиномиями В. Гумбольдта и Ф. де Соссюра).

Во-вторых, поскольку мы поддерживаем положение Г.Г. Шпета [Шпет 2003: 117] о том, что внутренняя форма представляет собой «прием, способ, метод формирования понятий», то ее реконструкция позволяет распределить так называемую «скрытую память» языка [Николаева 2002: 26]. Основопологающим моментом в определении «скрытой памяти» языка, согласно Т.М. Николаевой, можно считать презумпцию о способности языка воспроизводить одну и ту же модель построения концепта на протяжении достаточно масштабного временного периода. При этом, по словам ученого, существует несколько трактовок самого понятия «скрытая память» языка: 1) «скрытая память» есть определенная способность лексем, грамматических форм, синтаксических моделей и т. п. к свободному замещению друг друга в процессе коммуникации; 2) «скрытая память» есть явление диахронного порядка сродни этимологическому значению; 3) «скрытая память» представляет собой набор определенных правил для регулярного «овнешнения» того или иного концепта посредством языка. Нам ближе третий тип понимания «скрытой памяти», поскольку он предполагается для синхронного состояния языка, а также зиждется на идее об облике «далекого» периода в последующих манифестациях единиц вербалики на других уровнях языкового существования. Т.М. Николаева приводит целый ряд убедительных примеров того, как повторяемость, о которой идет речь, обнаруживается в содержательной составляющей квазисинонимичных форм *хоть* и *хотя*, в семантических структурах таких речевых клише, как *Здравствуйте, Пожалуйста, Спасибо* и т.п. (см., например [Николаева 2001; 2002]), в просодических контурах языков Балканского союза [Николаева 1996] и т.п. Именно в данном толковании понятие «скрытая память» содержательно приближается к понятию системообразующего смысла, который характеризуется, цитируя Ю.Д. Апресяна, «многообразием обликов» и «единообразием проявлений» [Апресян 2005: 11].

В-третьих, вопрос о внутренней форме слова приобретает особую актуальность в процессе изучения механизмов метафоризации в силу того, что в структуре метафоры обнаруживается некое движение, последовательная смена моментов, отображающая развитие самого смысла, начиная с индивидуальных «наивных» представлений и заканчивая конвенциональными схемами языкового употребления. Например, «когда мы говорим не только о человеке, что он *идет*, но и о дожде (*дождь идет*), о поезде (*поезд идет*), о времени (*годы идут*), то здесь семантика глагола *идти* выступает одновременно и как устойчивая, и как подвижная» (Р.А. Будагов) – цит. по [Апресян 1974а]. Кроме того, внутренняя форма знаков вторичной номинации значительно информативнее по сравнению с внутренней формой знаков прямой номинации, поскольку структура первой предполагает тесную взаимообусловленность номинативного, предикативного и действенного аспектов смыслообразования, а собственно изобразительная наглядность метафоры создается посредством одновременного «видения двух картин». Мы полагаем, что внутренняя форма метафорических образований имеет иерархическую структуру, поскольку, по словам Э. Бенвениста [Бенвенист 2002: 136], форма языковой единицы представляет собой способность последней разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня, подобно «иерархии сем»: когда речь идет о наличии сем различной степени обобщенности [Мурясов 1972]. При этом, на наш взгляд, техника интегрального описания языка третьего тысячелетия очевидным образом восходит к концепции физикализма о «воплощенной» (телесной) природе разума (*embodiment of mind*), что не только способствует преодолению картезианского дуализма в понимании значения (*signification*), но и расширяет наше знание об особенностях концептуализации и категоризации действительности средствами языкового означивания.

1. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ЕЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

В абсолютном смысле в языке не может быть материи без формы, а потому размышления на эту тему занимают умы теоретиков языка уже без малого несколько столетий.

В. Гумбольдт разграничивает понятия «внешняя форма» (звуковая форма) и «внутренняя форма» (форма языка), которые, по его мнению, находясь в отношениях взаимообусловленности и взаимовлияния, обеспечивают мобильность языковой системы в целом. Под внешней формой мыслится звуковое оформление высказывания, его морфологическая структура, а также значение. В лингвофилософской концепции ученого внутренняя форма (*innere Sprachform*) имеет три толкования: 1) внутренняя форма – это способ соединения понятия со звуком, то есть внутренняя форма представляет собой некую эпидигматическую связь, существующую в виде обобщенно-абстрагирующего признака; 2) внутренняя форма есть выражение «духа народа» в языке, или в современной терминологии, – языковая картина мира; 3) внутренняя форма являет собой суммарный итог всех основных языковых структур, совокупность всех элементов языка, рассматриваемых в системе.

А.А. Потебня в своих ранних работах рассматривает понятие «внутренняя форма» в ономаσιологическом ключе, а именно выстраивает свою концепцию с опорой на механизмы апперцепции, постулируя факт обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека. В данном случае явно прослеживается связь теоретических обобщений А.А. Потебни с физикалистской концепцией Лакоффа–Джонсона, а также их последователей. В рамках ономаσιологического подхода к экспликации сущностных свойств рассматриваемого явления внутренняя форма выводится за пределы семантической структуры слова и, соответственно, понимается, во-первых, как отношение содержания мысли к сознанию, а во-вторых, как образ образа, то есть представление, которое А.А. Потебня сравнивает с внутренней силой, обеспечивающей движение мысли в направлении ‘познанное → познаваемое’. Впоследствии ученый переосмысливает понятие «внутренняя форма» с позиции семасиологической перспективы. А.А. Потебня считает, что в слове есть два содержания: объективное и субъективное, иначе говоря, «ближайшее» и «дальнейшее» значение. Внутренняя форма представляет собой этимологическое значение, лишенное субъективного измерения, то есть «ближайшее» значение понимается как способ объективации интеллектуально-эмоционального содержания, как «скрытая память» языковой номинации, системообразующий смысл последней.

Г.Г. Шпет, находящийся под влиянием идей В. Гумбольдта, квалифицирует внутреннюю словесно-логическую форму как «закон самого образования понятия» [Шпет 2003: 117]. Основной конститутивной единицей внутренней формы, по Г.Г. Шпету, является «предметный остов» [Шпет 1989], то есть амодальный образ, по своим свойствам напоминающий «ближайшее» значение слова А.А. Потебни. Внутренняя форма Г.Г. Шпета выполняет две важные функции: номинативную, указывающую на референт слова, и семасиологическую (функцию оживления внутренней формы как главного источника неоднозначности в языке), наделяющую модель внутренней формы процессуальными признаками, впоследствии служащими образованию того или иного «сокровенного смысла».

С проблематикой внутренней формы связан целый ряд спорных моментов (подробный обзор см. в [Алефиренко 2005: 129–138]). Во-первых, языковеды дискутируют на предмет того, принадлежит ли внутренняя форма языковой или внеязыковой реальности. Во-вторых, неразрешенным остается вопрос о том, можно ли считать внутреннюю форму синхронным компонентом языковой семантики или же рефлексом диахронии, то есть этимологической составляющей номинации. В-третьих, факт признания того, что внутренняя форма все-таки локализуется в семантической структуре языкового знака, влечет за собой вопросы, связанные с денотативной, коннотативной или сигнификативной природой этой сущности. В-четвертых, мнения ученых расходятся относительно того, можно ли ставить знак равенства между моделями «регулярной многозначности» (подробнее о регулярной многозначности см. в [Апресян 1974б]) и образцами внутренней формы. К примеру, Анна А. Зализняк выявляет следующие способы представления регулярной многозначности (семантической деривации), которые лежат в основе создания того или иного типа внутренней формы: 1) иерархиче-

ски упорядоченный набор частных значений, 2) так называемые «семантические мосты» И.А. Мельчука, 3) инвариант и выводимые из него многочисленные варианты, 4) образ-схема, а также 5) абстрактная схема и набор формальных операций ее логического преобразования [Анна Зализняк 2004: 34–35]. Интересны в данной связи обобщения Р.З. Мурясова [Мурясов 1987; Murjazov 1994], касающиеся «изограмматических признаков», или так называемых «грамматикоподобных функций», словообразования. Речь идет о грамматикоподобных правилах в словообразовании, которые можно с полным правом квалифицировать как продуктивные модели, обеспечивающие «мотивационную прозрачность» производных номинаций. Например: (нем.) *Leser* (читатель) – «*jemand, der... etwas liest*» (тот, кто что-то читает) [Murjazov 1994: 69]. Таким образом, представляется возможным дополнить классификацию Анны А. Зализняк еще одним типом внутренней формы, который мы бы условно обозначили как *динамическая схема*, позволяющая посредством грамматических трансформаций производного слова в частности и любой другой номинации в целом не только реализовать объяснительную функцию, но и установить степень грамматичности, поскольку, по свидетельству Р.З. Мурясова [Мурясов 1989: 50], «модели образуют шкалу», то есть являются динамичными образованиями.

Мы полагаем, что внутренняя форма слова принадлежит к системе языкового узуса, поскольку в противном случае языковед углубляется в сферу психологии, покидая при этом твердую лингвистическую почву, то есть, нарушая тем самым первое правило процедуры реконструкции языковой картины мира (см. пункт «0. Вводные замечания»). Говоря словами Н.Г. Комлева, внутренняя форма есть точка для фиксации взгляда, «стержень для нанизывания на него истинного, главного, а не только кажущегося значения» [Комлев 2006: 69]. Поскольку мы причисляем понятие внутренней формы к третьему типу «скрытой памяти» языка, то проблема синхронной/диахронной реальности бытования рассматриваемого явления решается в пользу синхронии. Вслед за Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2005: 135], полагаем, что внутренняя форма есть обобщенный признак, содержащий в себе «деривационную память об источниках лингвосемиозиса номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера», а потому внутренняя форма слова представляет собой единицу сигнификативного пространства языка, единицу, осуществляющую эпидигматическую связь между денотатом и коннотацией. Образцы внутренней формы, на наш взгляд, должны, удовлетворять следующим условиям. Во-первых, они должны являть собой продуктивные модели смыслообразования, когда «для любого слова, имеющего значение типа 'А', верно, что оно может быть употреблено и в значении типа 'В' (если 'А', то 'В')» [Апресян 1974б: 191]. Во-вторых, подобно любой модели вообще (см. подробнее [Баранов 2003: 9]), образцы внутренней формы должны обладать прогностическим и экспланаторным потенциалом. В-третьих, модель внутренней формы должна представлять собой иерархию слов, пошаговое раскодирование которых позволяет установить закономерности в порождении нового знания, а также выявить основные конститутивные составляющие нашего опыта, с помощью которых происходит «вхождение действительности в человека». Заметим, что, поскольку нам свойственно мыслить метафорами, то за основу мы берем понятие «образ-схема», наиболее конкретный случай концептуальной метафоры (самый низший уровень иерархии), понимаемый как динамическая аналоговая репрезентация (а) пространственных отношений и (б) различных передвижений в пространстве (подробнее см. [Lakoff 1990; Johnson 1990; Gibbs, Colston 2006]).

2. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И МОТИВИРОВАННОСТЬ

Традиционно под мотивированностью понимается «наличие некоторой прозрачной содержательной связи между состояниями А и В» [Анна Зализняк 2004: 36], механизм семантической деривации, изучение которого позволяет прогнозировать дальнейший путь семантического развития языка в рамках уже сложившейся внутренней логики

репрезентации знания, полученного эмпирическим путем. Другими словами, мотивированность есть «образ или идея, положенные в основу номинации» [Анна Зализняк 2005: 87].

Заметим, что подобное понимание мотивированности идет вразрез с обобщениями Ф. де Соссюра, постулирующего примат произвольности, или арбитrarности, языкового знака. Само понятие образа, согласно концепции монографии «Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности» [Человеческий фактор 1991: 27], несет на себе печать частного случая эмоциональной мотивации, наряду с морфологическими, звуковыми, интонационными и другими средствами. Данное обстоятельство в определенной степени подтверждает нашу гипотезу о том, что за бесконечным разнообразием языковых проявлений скрывается достаточно жесткая семиотическая логика – логика, ограничивающая варьирование наблюдаемой языковой формы и устанавливающая истинностные связи между поверхностной структурой номинации и ее когнитивной моделью. Выявить эту семиотическую логику возможно, на наш взгляд, единственным способом: посредством построения объяснительной теории об устройстве и использовании естественного языка, которая бы опиралась на гипотезу о глубинной онтологической связи языка и мышления для последующего обеспечения реконструкции когнитивной структуры, стоящей за тем или иным вербальным знаком.

Рассмотрим понятия «мотивированность», «частичная мотивированность» и «немотивированность» на примере английских *as ... as* конструкций (синхронный подход).

Мы полагаем, что *as ... as* конструкция мотивирована тогда, когда в ее семантической структуре проступает стержневой элемент мысли («предметный остов» в терминологии Г.Г. Шпета). Ср.: *as agile as a monkey* – образ мотивирован: < обезьяна → проворный, ловкий >; *as like as two peas* – образ мотивирован: < горошины → существует понятие стандартного размера → похожий >; *as blind as a bat* – образ мотивирован: < летучая мышь → слепой >; *as brave as a lion* – образ мотивирован: < лев → смелый >; *as busy as a bee* – образ мотивирован: < пчела → занятой >; *as cold as ice* – образ мотивирован: < лед → холодный >; *as cunning as a fox* – образ мотивирован: < лиса → хитрый > и т.п.

Частичная мотивированность *as ... as* конструкции устанавливается в том случае, когда наряду с «номинативной предметностью» проступает и «предметность смысловая», то есть происходит оживление внутренней формы номинации. Ср.: *as deaf as a post* (completely deaf) – образ частично мотивирован (метафоризация): < столб → глухой >; *as drunk as a drowned mouse* – образ частично мотивирован (метафоризация): < утопшая мышь → нахлебаться воды / пьяный >; *as dull as a dishwasher* – образ частично мотивирован (метафоризация): < посудомоечная машина → скучный (видимо, из-за монотонного звука) > и т.п.

Понятие «немотивированность» в общем-то крайне условно, так как, с одной стороны, немотивированный знак может не давать никакой ясности по части возникновения образа, а с другой стороны, он может иметь свою генетическую историю. Ср. выражение *as mad as a hatter* в синхронии и диахронии. В синхронных лингвистических описаниях создаваемый идиомой образ немотивирован: < шляпник → безумный >, тогда как с точки зрения этимологического значения, по-видимому, сложно вести речь о немотивированности по двум причинам: 1) по причине прецедентности анализируемого выражения и 2) по причине соотнесенности последнего с реальными фактами, взятыми из истории Британии.

Прецедентность реализуется в силу того, что традиционно *as mad as a hatter* ассоциируется с известным произведением Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес», хотя появилось данное метафоризованное сравнение еще в 30-е годы XIX столетия, когда в моде были фетровые шляпы. Первоначально эти шляпы изготавливали из меха бобра, но затем стали изыскивать более дешевые способы и материалы: во-первых, перешли на кроличий мех, во-вторых, внесли изменения в сам процесс выделки этого пушного сырья. М. Квинион описывает это следующим образом: A complicated set of processes was needed to turn the fur into a finished hat. With the cheaper sorts of fur, an early step was to

brush a solution of a mercury compound on to the fur to roughen the fibers. The fibers were then shaved off the skin and turned into felt [Mad as a Hatter: [www.worldwidewords.org / qa / qa-mad2.htm](http://www.worldwidewords.org/qa/qa-mad2.htm)]. Все это происходило в маленьких душных помещениях, в которых шляпники постоянно дышали парами ртути, что не могло пагубно не сказаться на их здоровье. Известно, что в первую очередь ртуть поражает почки и головной мозг. К основным симптомам отравления ртутью относят выпадение зубов, потерю координации, нарушение артикуляции, ухудшение памяти, депрессию, раздражительность, что и подразумевается семантикой *a mad hatter syndrome* (при этом лексема *mad* в данном контексте больше похожа на *being very angry*, чем на *insane*). Правомерно ли в данном случае утверждать, что у выражения *as mad as a hatter* отсутствует внутренняя форма, зачастую понимания как осознаваемая говорящими мотивированность?

По-видимому, понятия «внутренняя форма» и «мотивированность» суть два аспекта одного и того же явления: с одной стороны, мотивированность представляет собой способ образования внутренней формы; с другой – внутренняя форма есть прием создания экспаланаторности (мотивированности), способствующей визуализации ментальной картинки.

3. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ОБРАЗ-СХЕМА

Разрабатываемая в отечественной лингвистике теория значения на основе компонентного анализа (например, работы Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, А.К. Жолковского) позволяет выявить семантические первоэлементы (самый первый уровень иерархии), находящиеся в сфере когнитивной деятельности человека и представляющие собой фактически те же самые категории, о которых идет речь в хрестоматийных работах по американской когнитивистике (Р. Лангакер, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.). Поскольку внутренняя форма является, как мы уже отмечали выше, компонентом семантики, то закономерно было бы предположить, что она также обладает «слоистой» структурой, объединяющей в себе пучки обобщенно-ассоциативных признаков, образующих определенную иерархию.

Начнем с того, что внутренняя форма зачастую воспринимается и переживается как образ, возникающий в точке пересечения денотативного и коннотативного компонентов значения номинации, а потому можно предположить, что первооснову внутренней формы конституирует такое понятие, которое, с одной стороны, способствует реализации принципа инвариантности в языке (*Invariance principle*), а с другой, обеспечивает схематизацию образной составляющей языковой единицы.

В процессе повседневного рефлексирования над фактами и явлениями объективной действительности любой носитель языка регулярно пользуется двумя дюжинами разнообразных образов-схем и их смысловых трансформаций (см. [Gibbs, Colston 2006: 239]). Среди образов-схем, имеющих наиболее широкое хождение, традиционно выделяют конструкторы типа контейнер (CONTAINER), баланс (BALANCE), источник-путь-цель (SOURCE-PATH-GOAL), центр/периферия (CENTER/PERIPHERY) и т.п., специфика которых сопряжена с особенностями функционирования пространственного кода культуры в целом. Подобные образы-схемы покрывают огромное количество экспериенциальных структур (*experiential structures*), которые обладают особой маркированностью в ментальной составляющей процесса вербализации какой-либо идеи, выстраиваемой на основе опытных данных, а также имеют определенно очерченную внутреннюю конфигурацию и могут быть переосмыслены метафорически с тем, чтобы наше понимание специфики более абстрактных сущностей было максимально точным и исчерпывающим. Например, Р. Лангакер изучал то, как образы-схемы участвуют в процессе создания грамматических форм; К. Бругман и Дж. Лакофф рассматривали понятие образа-схемы в контексте исследования предлогов английского языка; С. Линднер задействовала образ-схему для семантизации английских фразовых глаголов типа *глагол + up* и *глагол + out*; К. Бругман также размышляла над наречием *'very'* в категориях образов-схем; Дж. Лакофф подводил специфику японского опе-

ратора 'hon' под понятие «образ-схема». Последние исследования в области философии языка посвящены изучению таких абстрактных метафорических концептов, как, например, каузация, причина (например [Dirven 1995]), смерть, мораль, гнев (например [Kövesces 1995: 181–196]) и т.п., трактуемых через ту или иную образ-схему (см. подробнее также [Grady 1997: 80–85]).

Несмотря на то, что образы-схемы являют собой результат перцептивной деятельности и двигательной активности (моторики), специфика образов-схем не сводима к описанию исключительно сенсомоторного (sensorimotor) механизма их порождения. Напротив, подобные когнитивные модели, по М. Джонсону [Johnson 1990: 30], репрезентируют первичные средства, с помощью которых мы создаем, или устанавливаем порядок. Образы-схемы никак нельзя назвать пассивно существующими ячейками для хранения опытных данных перцептивного характера. Напротив, с точки зрения генезиса образы-схемы представляют собой продукты непропозиционального восприятия действительности и функционируют как структуры, упорядочивающие факты эмпирического свойства на уровне физического восприятия и движения.

По свидетельству Дж. Лакоффа [Lakoff 1990: 272–277], любая образ-схема структурируется в соответствии с опытом, который накапливает человек в процессе взаимодействия с действительностью (bodily experience); распадается на ряд структурных элементов (structural elements); а также имеет в своей основе определенную базовую логику (basic logic). Например, специфика образа-схемы КОНТЕЙНЕР может быть эксплицирована следующим образом:

Опыт, основанный на физических ощущениях (Bodily experience): Наша собственная ментальная локализация самих себя сравнима с контейнером, заполненным тем или иным набором вещей.

Структурные элементы (Structural elements): Внутренняя часть (interior), граница (boundary), внешняя часть (exterior).

Базовая логика (Basic logic): Что-то расположено либо внутри контейнера, либо за его пределами – Р или не Р. Если контейнер А находится в контейнере В, а Х – в контейнере А, то тогда Х содержится в В [Там же: 272]. Приведенное Дж. Лакоффом логическое утверждение конституирует основу *modus ponens*: Если все А суть В и Х локализуется в А, тогда Х есть В.

Примеры метафор в контексте трансформаций рассматриваемого образа-схемы (Sample metaphors): Поле зрения часто воспринимается в терминах контейнера, то есть вещи имеют тенденцию *come into sight* и *go out of sight*. Взаимоотношения людей также представляются как вместилища: *one can be trapped in a marriage* и *get out of it* и т.п. Так, данная образ-схема, актуализируясь в метафорическом контексте, может быть успешно применена при категоризации непространственного опыта (например, *put ideas into words, the contents of an essay, empty words; be in love, fall out of love* и т.п.).

Образ-схема ОБЩЕЕ ЕСТЬ СПЕЦИФИЧНОЕ (GENERIC IS SPECIFIC) облегчает, к примеру, процесс интерпретации пословиц и других выражений-клише, поскольку последние в тенденции строятся на базе метафор конкретного уровня. В качестве иллюстрации рассмотрим пословицу 'the early bird catches the worm' (подробный анализ см. в [Kövesces 2002: 39]), где BIRD, CATCH и WORM суть концепты конкретного уровня (specific-level concepts). Процедура установления внутренней формы данного языкового клише значительно облегчается посредством образа-схемы ОБЩЕЕ ЕСТЬ СПЕЦИФИЧНОЕ (GENERIC IS SPECIFIC), которая указывает нам на обобщенный характер рассматриваемой пословицы: ранняя птичка (the early bird) десигнирует любого человека, которому всегда удастся выполнять какую-либо работу первым, ловить – значит добывать (catching is obtaining), червяк (the worm) представляет собой обобщенный вариант того объекта, которым можно завладеть первым. Таким образом, представляется возможным репрезентировать генерализованное значение пословицы следующим образом: «Если ты делаешь что-либо первым, то ты получаешь то, что хочешь, раньше других».

Одна их трансформаций образа-схемы ПРОСТРАНСТВО – ДВИЖЕНИЕ может иметь, к примеру, вид ДЕНЬГИ ЕСТЬ ЖИДКОСТЬ (MONEY IS A LIQUID): *My euros are all dried up; Investing in their stock at the moment is like pouring your money down the drain; They have only just started liquidating the assets. I wonder how long they are going to stay afloat...; In a situation like that, anybody would find it difficult to keep their head above water, financially I mean...; The situation was desperate. Harold was drowning in debts and couldn't keep going much longer* и т.п.

На наш взгляд, привлекательность понятия «образ-схема» для теории категоризации и концептуализации связывается с тем, что, во-первых, образы-схемы обладают экспланаторной силой, то есть объясняют закономерности нашего мышления, а также особенности работы нашего воображения, поскольку образы-схемы в тенденции составляют базис для формирования других концептов; а во-вторых, само существование фиксированного набора образов-схем подтверждает факт креативности метафоры в целом, так как они не только упорядочивают опытные данные и создают мотивированность языкового знака, но и репрезентируют этапы формирования структурных конфигураций человеческой менталики, раскрывая при этом способ соединения понятия со звуком.

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для того чтобы решить задачу описания внутренней формы, необходимо, в первую очередь, установить закономерности синтезирования этой сущности не только в терминах построения теоретической модели, но и с позиции восприятия и создания внутренней формы номинации пользователями языка.

Совсем недавно лингвистические исследования по семантике преимущественно ориентировались на так называемое «ближайшее» значение А.А. Потебни, поскольку именно оно является объективным отражением действительности в языке. Однако ситуация, сложившаяся в современном языкознании, способствует изучению и «дальнейшего» значения в связи с устремленностью лингвистических штудий к так называемому «антропроектированию», то есть к познанию «человеска в языке», к реконструкции языковой картины мира.

Наш тезис состоит в том, что онтологически развитие внутренней формы проходит путь от схематического образа (самого общего представления) до постепенного расчленения последнего на оппозиции частных значений. Подобный взгляд на внутреннюю форму несколько противоречив. С одной стороны, он подводит исследователя к идее об иерархичности структуры внутренней формы. С другой стороны, позволяет постулировать факт недискретности существования рассматриваемой сущности в языке как системе, хотя данное обстоятельство не должно заставить лингвиста-теоретика отказаться от рефлексирования над отдельными составляющими внутренней формы, изучение которых необходимо в случае, если исследователь стремится организовать информацию о слове оптимальным образом (например, по принципу «лексикографического портрета» – термин в [Апресян 1995б]).

Изучение внутренней формы метафорической номинации важно как с точки зрения установления регулярных способов взаимодействия единиц языкового и когнитивного сознаний, так и с позиции создания «портрета» одной ситуации через призму другой. При этом удачное моделирование внутренней формы вторичной номинации неизменно ведет к возникновению мотивированности, объясняющей тот или иной прием порождения изобразительной ментальной картинки, запечатленной в «скрытой памяти» языка, что, в конечном счете, оптимизирует исследовательские практики по части изучения особенностей отражения, а может быть, и отображения действительности в средствах вербальных репрезентаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко 2005 – Н.Ф. Алефиренко. Спорные проблемы семантики: Монография. М., 2005.
- Апресян 1974а – Ю.Д. Апресян. Значение и оттенок значения // ИАН СЛЯ. 1974. Т. XXXII. Вып. 4.
- Апресян 1974б – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1995а – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 1995б – Ю.Д. Апресян. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2005 – Ю.Д. Апресян. О Московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
- Апресян и др. 2004 – Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галлактионова, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр., доп. М.; Вена, 2004.
- Баранов 2003 – А.Н. Баранов. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пос. М., 2003.
- Бенвенист 2002 – Э. Бенвенист. Общая лингвистика / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М., 2002.
- Зализняк Анна 2004 – Анна А. Зализняк. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ. 2004. № 2.
- Зализняк Анна 2005 – Анна А. Зализняк. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005.
- Комлев 2006 – Н.Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. М., 2006.
- Маковский 2006 – М.М. Маковский. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. 2-е изд. М., 2006.
- Мурясов 1972 – Р.З. Мурясов. Структура словообразовательных полей лица и инструмента в современном немецком языке // ВЯ. 1972. № 4.
- Мурясов 1987 – Р.З. Мурясов. Грамматика производного слова // ВЯ. 1987. № 5.
- Мурясов 1989 – Р.З. Мурясов. Словообразование и теория номинализации // ВЯ. 1989. № 2.
- Николаева 1996 – Т.М. Николаева. Просодия Балкан. М., 1996.
- Николаева 2001 – Т.М. Николаева. Металингвистический иконизм и социолингвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов // Язык и культура: Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Николаева 2002 – Т.М. Николаева. «Скрытая память» языка: Попытка постановки проблемы // ВЯ. 2002. № 4.
- Человеческий фактор 1991 – Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1991.
- Шпет 1989 – Г.Г. Шпет. Герменевтика и ее проблемы. М., 1989.
- Шпет 2003 – Г.Г. Шпет. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 2003.
- Dirven 1995 – R. Dirven. The construal of cause: The case of cause prepositions // J.R. Taylor, R.E. MacLaury (eds.). Language and the cognitive construal of the world. Berlin; New York, 1995.
- Gibbs, Colston 2006 – R.W. Gibbs, H.-L. Colston. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // D. Geeraerts (ed.). Cognitive linguistics: Basic readings. Berlin; New York, 2006.
- Grady 1997 – J. Grady. THEORIES ARE BUILDING revisited // Cognitive linguistics. 1997. 4 (4).
- Johnson 1990 – M. Johnson. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London, 1990.
- Kövesces 1995 – Z. Kövesces. Anger: Its language conceptualization and philosophy in the light of cross-cultural evidence // J.R. Taylor, R.E. MacLaury (eds.). Language and the cognitive construal of the world. Berlin; New York, 1995.
- Lakoff 1990 – G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1990.
- Murjazov 1994 – R.Z. Murjazov. Isogrammatische Merkmale der Wortbildungen // Deutsche Sprache. 1994. № 1.